

А. Н. ПОТРЕСОВ

Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху. 1908 г.¹

<...>

Мы имеем дело с интересным моментом, когда процесс высвобождения демократии из-под влияния марксизма, в сущности почти уже законченный, столкнулся с растущим престижем организационно-агитационной работы социал-демократии и дал в результате эту своеобразную литературно-политическую комбинацию — накануне мартовских дней 1901 года.

Демонстрационная эра, начавшаяся этими днями и выдвинувшая опять на политическую сцену студенчество и с ним вместе демократическую интеллигенцию вообще, относительно понизила в глазах демократии политический вес пролетариата и повысила ее собственную ценность, тем самым дав сильный толчок молекулярным процессам сплочения в различных слоях демократии. Но непосредственно в политическую концепцию русского марксизма эта эра не внесла серьезных изменений. Напротив того, как мы увидим сейчас, расцвет политических идей, характеризующих «Искру» ее первого фазиса развития, т. е. «Искру» того времени, которое предшествовало партийному съезду 1903 г.², уже относится к моменту, когда приходило к концу как монопольное положение «Искры» в роли единственного в России свободного периодического органа, так и монополия социал-демократической организованности. Идеология же все еще продолжала разворачиваться в том направлении, которое было дано политической конъюнктурой первоначального выступления «Искры».

Так, еще началу 1902 г. принадлежит едва ли не наиболее из всех характеризующее момент понимание идеи гегемонии. Мы говорим о послесловии, которым «Искра» (№ 18) сопровождала статью Каутского — «Славяне и революция»³. В этой статье Каутский высказывал уверенность, что мировой революционный центр передвигается в Россию, и надежду, что русской социал-демократии удастся одолеть тот новый «священный союз», который представлен европейским капиталом и русским абсолютизмом. «Искра»,

со своей стороны, замечала: «Если русской социал-демократии действительно удастся отвоевать себе роль передового борца за освобождение пролетариата всего мира, то поистине неизмерима будет та мощь, которую эта гегемония придаст нашей собственной борьбе за достижение наших ближайших, самых насущных задач. Потому что стоять во главе значит пользоваться всей той силой, которая идет позади». И показав на примерах, в чем должна выражаться поддержка этой силы, «Искра» заключала: «Но чтобы добиться такой гегемонии, недостаточно говорить о ней... Мы должны развить революционную мысль и революционное дело до последних пределов и должны объявить непримиримую борьбу всему, что подтачивает нашу революционность... Мы должны взять в свои руки руководство борьбой всех революционных и оппозиционных слоев русского народа, потому что, как можем мы мечтать о том, чтобы стать во главе всемирной революции, если не сумеем встать во главе русской?» Конечно, идея мировой гегемонии была лишь более или менее случайным отголоском взглядов, высказанных Каутским, но тем отчетливее выступала на ее фоне идея русской гегемонии, в специфической форме, принадлежащей моменту, и в той оптимистической окраске, с которой контрастировало едва ли не одно пессимистическое «Всегда в меньшинстве» Л. Мартова, во 2 № «Зари».

И в начале же 1902 года выходит памфлет Ленина «Что делать?»⁴, в котором нашла свою систематизацию организационно-политическая реакция против экономизма. Отдельные проявления этой реакции мы можем наблюдать там и здесь на всем протяжении первых двух лет существования «Искры», и уже в ее 3 №, в статье «С чего начать»⁵, дан Лениным первоначальный набросок его будущей схемы. Но только в «Что делать?» перед нами выступает эта реакция против экономизма в виде определенного идейного наложения на революционный русский марксизм.

Дело в том, что по мере того, как процесс формирования социал-демократической партии в данной исторической обстановке принимал все более характер формирования революционно-интеллигентского аппарата для руководства движением рабочего класса, в революционно-марксистскую идеологию врывалась струя, которая искала идеологического выражения для этого, правда, еще не осознанного, но инстинктивно ощущавшегося момента в развитии русского социал-демократического движения. И вот создается концепция, в которой на первое место выступает централизованная организация профес-

сиональных революционеров в качестве носительницы социалистического начала, а рабочее движение само по себе представляется идущим в направлении буржуазного развития. «История всех стран свидетельствует, — говорит Ленин*, — что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское»... Тред-юнионизм же означает «порабощение рабочих буржуазией». Социализм приносится рабочему движению извне. Так, у нас теоретическое учение социал-демократии есть «естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции». И в соответствии с этим представлением о «буржуазности» масс и социалистической «сознательности» «профессионально-революционной» интеллигенции, организация профессиональных революционеров становится центром, к которому приурочивается политическое движение рабочего класса, и в то же время центром, рассылающим своих агентов-агитаторов «во все классы населения» и осуществляющим те грандиозные политические задачи, которые предносились социал-демократии. Под знаком этой концепции ведется война с «кустарничеством» экономистов, «демократическому» принципу в организациях противопоставляется принцип построения партии сверху, и вырабатывается план создания организации вокруг общерусской политической газеты.

Таким образом, как антитеза экономизму, в недрах революционного марксизма появляются первые очертания того видоизмененного бланкизма, который в 1903 году приводит к расколу и уже позже — в эпоху революции — развертывает свое общественно-политическое содержание. Но в момент появления «Что делать?» — этот бланкизм еще не выделяется из общего революционно-марксистского русла — и хотя и неприемлемый в целом отдельными представителями революционно-марксистской идеологии — быстро идет к господству в социал-демократической практике и определяет собой организационно-политическую линию «Искры».

Если, говоря об идее гегемонии, мы могли констатировать, как в ее проявлениях своеобразно преломилась политическая конъюнктура момента, то в этом сплетении бланкизма с марксизмом перед нами впервые отражается противоречие между огромностью тех политических задач, которые выдвигались перед революционно-марксистской интеллигенцией вместе с ходом событий, и тем

* См. «За 12 лет», изд. 1908 г., стр. 205 и др.

моментом в движении рабочего класса, когда проникавшее в него политическое сознание — благодаря ряду исторических условий — еще не претворялось в организационно-партийное сплочение самого пролетариата и когда, наоборот, процесс революционно-интеллигентской консолидации сплошь и рядом глушил первоначальные всходы пролетарской самодеятельности.

Но рядом с этим процессом наслаивания чуждых марксизму элементов шло дальнейшее самоопределение революционно-марксистской идеологии и вместе с тем определялась политическая позиция марксизма — в его критике формировавшегося либерализма, в его борьбе с терроризмом социалистов-революционеров и их аграрными утопиями. Выработка партийной программы как бы завершала этот процесс революционно-марксистского самоопределения.

Для революционно-марксистского течения 1902-й год был тем водоразделом, которым закончилась начальная полоса его партийно-политического существования, когда его внимание сосредоточивалось по преимуществу на вопросах бернштейнианства и экономизма и на фиксировании его общей организационно-политической линии и которым начинался период его столкновения с уже сложившимися в партии противниками. Впрочем, с либерализмом революционный марксизм столкнулся еще раньше, еще тогда, когда предисловие Струве к записке Витте — «Самодержавие и земство» вызвало реплику Ленина во 2 № «Зари», его статью — «Гонители земства и аннибалы либерализма»⁶.

«Мы будем, — писал Ленин, — приветствовать рост политического самосознания в имущих классах, мы будем поддерживать их требования, мы постараемся, чтобы деятельность либералов и социал-демократов взаимно пополняла друг друга». Но «мы никогда и ни в каком случае не откажемся от решительной борьбы с теми иллюзиями либерализма, которые позволяют ему предполагать, «будто возможно еще парламентарство» со старым режимом, «будто какое-нибудь земство есть зародыш конституции, будто искренним сторонникам этой последней можно исполнять свою аннибалову клятву посредством терпеливой легальной деятельности и терпеливых призывов к смирению врага»*.

Как видим, политика революционной борьбы противопоставляется здесь «политиканству»** либерализма, подменяющего борьбу «умелой

* См. «За 12 лет», стр. 183.

** Ср. статью «Политическая борьба и политиканство», «Искра», № 26.

тактикой лавирования между враждующими друг с другом сторонами. И это же противопоставление проходит и дальше через всю полемику «Искры» с «Освобождением», усиленное и осложненное противопоставлением демократических задач социал-демократии — отсутствию демократизма в идеологии либерального движения, его вечной боязни народа и отражению в нем классовых интересов помещиков.

«Либералы — говорила “Искра” в передовой статье своего 23 № (“Программа русских либералов”⁷) — организуются не столько для борьбы» с существующим режимом «в настоящее время, сколько для переговоров» с ним «в такое время, когда последний, под влиянием ужаса перед рабочим движением и другими революционными силами, станет думать о серьезной политической реформе». «Какие же условия поставят в этот момент наши либералы»? — Перед режимом, расшатанным революционным движением, «земская политическая партия», с которой солидаризируется «Освобождение», «выступает с требованием, чтобы ликвидация» старого и «определение основ нового, свободно-конституционного порядка было поручено никому иному, а представителям земств и городских дум, т. е. известной части земельных собственников и капиталистов». «Стало быть», заключала «Искра», «либеральная буржуазия больше всего озабочена», «чтобы дело установления нового порядка досталось целиком в ее руки». Наши «либеральные помещики», «выговорив себе полномочие устроить судьбы русского народа в собрании земских представителей», полагают при этом, что «вовсе не следует вводить тех «экономических» реформ, тех мер по «рабочему и аграрному вопросу», которые должны быть проведены после политического освобождения России. Это дело тех парламентов, которыми нас награждает Земский Собор». И точно так же «они не берут на себя даже обязательства предоставить» народу «политическое равенство, немыслимое без равного и всеобщего избирательного права». Резюме: «ни рабочий класс, ни революционная демократия вообще не могут оказать такой партии никакого политического кредита».

Это был ответ на литературно-политический дебют либерализма. Основные черты этого ответа повторяются затем в многочисленных статьях, которые «Искра» в разное время посвятила либерализму вообще, «Освобождению» в частности. По существу же мы сказали бы: нерв этой полемики заключался в борьбе с либерализмом за обладание демократией; демократией, которая, находясь в союзе с земцами, поступалась и демократизмом своих требований, и решительным ме-

тодом действий, и которая, только приобщаясь к движению рабочего класса, могла бы надеяться на осуществление своих демократических целей. «Только следуя за революционным пролетариатом — говорила, например, “Искра” в статье “Революционный год” (№ 40, май 1903 г.⁸), — русская демократия может успешно работать» над ликвидацией старого порядка. «Понимание этой истины, — прибавляла “Искра”, — несомненно проникает в широкие круги демократической интеллигенции по мере того, как мужает и проявляет свою зрелость русское рабочее движение»...

Одновременно же с тем, как развертывалась эта полемика с либерализмом, разгоралась борьба революционного марксизма с обновленным народничеством — старая борьба, содержание которой, однако, определялось теперь уже теми условиями, в которых протекала партийно-политическая деятельность обоих направлений. Поэтому рядом с критикой того рецидива утопического крестьянофильства, который в такой резкой форме дал себя знать в литературе социалистов-революционеров после крестьянских волнений 1902 г., в центре борьбы становится вопрос, как будто бы узкопрактический, а на самом деле являвшийся, быть может, наилучшим оселком для испытания политики как марксистского направления «Искры», так и социально-революционного направления «Революционной России»...

<...>

Итак, крестьянское движение есть движение не социалистическое, а демократическое, и только те элементы крестьянства, которые в процессе разложения своей психологии мелкого собственника переходят на точку зрения пролетариата, сливаются с современным социалистическим движением рабочего класса. Отправляясь от этой именно концепции крестьянства и крестьянского движения, которая, между прочим, нашла свое развитие в ряде статей Плеханова «Пролетариат и крестьянство», «Искра» вела свою борьбу с представлением социалистов-революционеров о тройственно едином характере трудовой социалистической армии, состоящей из пролетариата, крестьянства и интеллигенции; из нее же исходя, она устанавливала свое отрицательное отношение к вопросу о национализации земли, и предлагала аграрную программу, принятую съездом 1903 года.

«С точки зрения интересов борьбы пролетариата, единственной борьбы, ведущей к освобождению человечества — заявляла “Искра” (№ 27 ст. “К эпилогу крестьянских бунтов”⁹), — социал-демократия взвешивает социальную и политическую ценность всех

возникающих в современной России общественных движений, берет на себя поддержку всего того в них, что содействует общественному развитию»... «Она не скажет крестьянам, что осуществление их притязаний на панскую землю будет началом конца всякого буржуазного развития... Напротив, она скажет ему... что осуществление его стремлений к прирезке земли может, при известных условиях, избавить его от мучений докапиталистической кабальной эксплуатации, но не разрешит вопроса об общей буржуазной эксплуатации... Она поддержит крестьянские требования об экспроприации земель, служащих средством поддержания кабальных, полукрепостнических общественных отношений, и поможет рациональной формулировке этих требований, но она никогда не опустится до того, чтобы в этих требованиях признать свой социалистический идеал и чтобы питать в крестьянстве веру в исцелимость всех его социальных недугов применением этого средства». «И с этой же точки зрения» социал-демократия относится «к выставленному теперь с разных сторон требованию «национализации земли». «Мы слишком отчетливо представляем себе, какие общественные классы приобретут политическое господство в России на другой день после переворота, за который мы боремся, чтобы восторгаться идеей о передаче в руки этих буржуазных классов распоряжения земельным фондом страны». С другой же стороны, мы знаем хорошо, говорила «Искра», что демократам и социал-революционерам «национализация земли нужна для поддержания если не самого крестьянского “самостоятельного” хозяйства, то, по крайней мере, крестьянских предрассудков об укреплении такого хозяйства при капитализме». Социал-демократия к этому «не может приложить своих рук» и, со своей стороны, «не станет замалчивать того для нее несомненного факта, что для “трудового крестьянства” задача социального освобождения неразрешима вне задачи социального освобождения пролетариата», т. е. вне заключительного акта пролетарского движения.

Как мы уже сказали, этой постановкой вопроса предугадывалось и то направление, в котором «Искра» должна была намечать свои аграрные требования. И действительно: требования проекта аграрной программы, выработанного редакцией «Искры» — «Зари», как-то: возвращение выкупных платежей, известный пункт об «отрезках» и т. д., давались с мотивировкой, что они выставляются «в целях устранения остатков крепостного порядка, тяжелым гнетом лежащих на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне»... Это была постановка вопроса, как

это отмечалось комментариями Плеханова и Ленина к программе (см. № 4 «Зари»¹⁰), по существу отличная от постановки вопроса в западноевропейской социал-демократической литературе и диктовавшаяся специфическими условиями переживавшейся Россией исторической эпохи. «Прежде чем ставить аграрный вопрос, — писал Плеханов*, — в том смысле, в каком его ставят западноевропейские социал-демократы, мы должны добиться раскрепощения нашего крестьянина, мы должны ввести его в условия жизни, свойственные нынешнему европейскому обществу. Социальная революция, которую нам предстоит теперь совершить в русской деревне, есть революция “третьего сословия”, а не революция пролетариата».

Мы подошли, таким образом, к последнему моменту того фазиса в развитии революционно-марксистской идеологии, который в известном смысле получил свое увенчание в выработке и принятии программы. В русских условиях это был первый случай, когда идейное течение утверждалось в принятой коллективностью программой, подводящей итоги теоретической работе мысли и борьбе этого течения и в то же время сводящей воедино и систематизирующей свои практические требования от жизни.

Правда, еще в 84 году был выработан Группой Освобождения труда и в 85 г. опубликован проект программы, но этот проект не был принят открыто каким-либо из действовавших тогда в России кружков и, по словам Плеханова, «представлял собою скорее очень сжато написанную статью, чем программу в собственном смысле слова». На проекте, говорит Плеханов, лежит печать тех уступок «народническим предрассудкам», которые делала в то время Группа Освобождения труда, в расчете на то, что путем этих уступок она сможет завоевать революционную интеллигенцию, только что пережившую крушение своих прежних взглядов, но еще не свободную от известных традиций**. Отсюда включение в программу требования государственной помощи производительным товариществам и «неопределенная формулировка аграрных требований», как-то — «радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ» и т. п...

* «Заря», № 4, ст. «Проект программы Р. С. Д. П.», стр. 35.

** См. цит. стат., стр. 18.